

"Нетрадиционное человеческое действие"¹

1.

В 85-м году моего отца вызвали на беседу в КГБ. Незадолго до этого отец отправил заявление на имя тогдашнего шефа госбезопасности. Отец просил освободить меня по концу второго срока. Перспектива нового дела и еще трех лет лагерей по недавно введенной статье "Злостное неподчинение законным требованиям администрации ИТУ" была для меня вполне реальной.

После дежурных фраз о том, что от КГБ в данном случае ничего не зависит - дела такого рода возбуждаются лагерной администрацией, расследуются прокуратурой и рассматриваются судом - отцу, не скрывая своей осведомленности (писать заявление отцу помогал М.Я.²), порекомендовали "не связываться с Гефтером". Подкрепили они этот совет примерно так: "именно Гефтер и был тайным вдохновителем "Поисков", а Ваш сын стал жертвой этого интригана, ушедшего от ответственности. Жаль, что о его истинной роли в этом деле мы узнали слишком поздно..." И добавили: "Хитрые они - эти евреи..." Отец рассказывал, что досада гебешников ("слишком поздно") выглядела вполне искренней. Гефтеру он просил ничего не передавать: "Зачем расстраивать хорошего человека, арестовать-то его они все равно не могут, Горбачев им, вроде бы как, новых сажать не разрешает". На "евреев и интриганов" отец не клонул: "Врут они все - понятное дело, Михал Яковлевич - наш брат, фронтовик, прятаться за чужой спиной не будет. Да и смотрел я ваши "Поиски" - он ведь статьи свои не псевдонимом подписывал..."

Сюжет с "хорошо законспирировавшимся интриганом" Гефтером, насколько я знаю, прокатывался гебешниками в ряде бесед и с другими людьми со второй половины 85-го года. Столь позднее его возникновение и распространение кажется загадкой. При той плотной слежке, какая была организована за каждым из нас, десятках обысков на наших квартирах (два из них по делу журнала "Поиски" - на квартире Гефтера), "Монблану" изъятых материалов (на некоторых обысках мешки с изъятым увозили на грузовых машинах), "конспирироваться" было просто смешно. Впрочем дело тут не только в бессмысленности "конспиративных игр". Очень хорошо об этом сказал сам Гефтер в заявлении Генеральному Прокурору СССР (апрель 82-го):

"...Моя причастность к "Поискам" не составляет тайны. И не потому, что нечто ранее скрытое оказалось разоблаченным и теперь его нет резона утаивать. Нет, этой тайны не было с самого начала. Более того: тайна была отвергнута как таковая - всеми, кто решил учредить "Поиски", положив в основание их принцип *открытой мысли и диалога убеждения* (не ограниченного ни составом вопросов, ни составом участников). Мое добровольное и обдуманное решение участвовать в "Поисках" было обусловлено активным согласием с указанным принципом. Оно документируется текстом "Приглашения"³, написанного мною и опубликованного в первом номере журнала. Я подкрепил эту свою позицию (не считая статей, в которых она отражена) в письме редакторам "Поисков", преданном гласности на страницах заключительного номера 1979 года. Сегодня следует вновь подчеркнуть, что именно приверженность принципу открытости и систематического диалога могла объединить людей разных поколений и взглядов, принявших то или иное участие в "Поисках"..."

Ответил, кстати, Гефтеру не Генеральный Прокурор, а следователь по делу "Поисков": "Ваше заявление приобщено к уголовному делу".

В одной из своих статей Михаил Яковлевич назвал "советское общество" социумом власти. "Социум - поскольку не общество. Власти - поскольку, став практически всем, она становится антиподом государства, не давая простора и его эффективному функционированию в необходимых для народа (народов!) пределах и пропорциях."

К этому определению я бы добавил: социум власти может существовать и воспроизводить себя только в особом мифологизированном "бульоне". Причем и простые граждане, и функционеры социума должны обладать внутренней потребностью в мифовосприятии, мифоощущении мира. Эта потребность гораздо более существенна для стабильности этой структуры, чем насилие, экономика, международная обстановка и т.п. Самым опасным врагом для "социума власти", куда опаснее тех,

¹ Статья предназначена для готовящейся книги "Гефтер с нами и сам по себе", посвященной 75-летию М.Я. Гефтера.

² В кругу людей, работавших над журналом "Поиски", Гефтера чаще всего называли М.Я. Истории происхождения этого "редакционного имени" (чем-то напоминающего фрейдовское "Сверх-Я") не помню.

³ "Приглашение" опубликовано в первом номере "свободного московского журнала" вместо обычного в таких случаях изложения программы нового издания: "...мы приглашаем к дискуссии без ограничивающего регламента и с этой, сугубо предварительной заявкой, которая может стать более четкой программой лишь в процессе поисков".

кто призывает, скажем, к государственному перевороту или изменению мифов, их обновлению и замене, является разрушитель потребности в мифосуществовании.

Исследователю же только через мифы можно составить более-менее точное представление о вещах вполне реальных ("реальность подобна скорлупе яйца, миф - его содержимое"). Сюжет с Гефтером, наряду с другими сюжетами начала горбачевского властвования, позволяет судить о том в какую "скорлупу" был затворен самый главный тогдашний миф, миф о перестройке...

2.

Наша последняя - перед моим арестом - встреча с М.Я. Конец ноября 79-го, а может быть, и самое начало декабря. Мы идем по бульвару улицы Гарибальди. Втроем: Гефтер, я и Топ. Наше сопровождение (восемь филеров) движется параллельно по обеим сторонам бульвара, ничуть нам не мешая: М.Я. совершенно нечувствителен к слежке, я за последние три года имел достаточно возможностей изучить технологию работы "групп наружного наблюдения" и отношусь к "хвосту", как к "природному явлению", от которого "доской не загородишься". Реагирует лишь Топ, он забегаёт далеко вперед, кидается то влево, то вправо и грозно рычит на филеров, создавая для них "нештатную ситуацию", заставляя их дергаться и чаще, чем обычно, меняться местами...

Топ - проницательный и самостоятельный пес, натуры философской, души благородной, если возможен подобный способ типологизации собак. Плотный, приземистый, непропорционально растянутый, крепкие короткие лапы, мохнатые, свисающие чуть не до земли, уши. Кто-то говорил мне, что Топ - помесь таксы со спаниелем. Возможно и так - в породах собак я ничего не смыслю. Во всяком случае, породистая, если иметь в виду природные задатки, собака. Будь я биографом М.Я., посвятил бы Топу отдельную главу: судить о человеке по его собаке можно еще точнее, чем по книгам или каким-либо другим овеществленным результатам жизни...

Сворачиваем к Воронцовской пустоши, филеры вообще исчезают из поля зрения, успокаивается Топ, занявшись следами и знаками, едва различимыми под только что выпавшим снегом. У нас с М.Я. не менее сложное дело - за оставшиеся полчаса разговора вытянуть ниточку вопросов в невероятно запутанном клубке сюжетов и проблем, образовавшемся к исходу 79-го...

За короткое время нашего знакомства, год с небольшим совместной работы над "Поисками", я уже успел оценить особенный дар М.Я.: выстраивать проблему, из, казалось бы, совершенно неподходящего материала формировать живые вопросы-зернышки, способные пробиваться росточками неожиданных решений и идей, ветвистым древом гипотез и концепций. Эти "зернышки" он раздаривает окружающим с невероятной легкостью, мало заботясь о том, в чьем саду им предстоит прорасти...

Вспоминать все, составлявшее то время (конец 79-го), из нынешнего дня, совсем другой эпохи - занятие пустое, правильное: вернуться туда, поближе...

Из "Бутырских лоскутков"⁴

"... После шести с половиной месяцев, проведенных в обычных камерах, я угодил в экзотический край тюрьмы, в шестой бутырский коридор - коридор смертников... Не пугайтесь, сударья⁵, ничего страшного не произошло, и название коридора не имеет ровно никакого отношения к участию, уготованной мне Мосгорпрокуратурой. Сюда - к приговоренным к "высшей мере" - меня затворили для лучшей изоляции: не только от воли, но и от своего брата-заключенного. Сижу в одиночке - подарок судьбы: впервые в тюрьме - уединенность, возможность спокойно заниматься писаниной, не опасаясь какого-нибудь слишком любопытного взгляда. Тюремное начальство числит меня в зачинщиках разгоревшейся в Бутырке в начале июня "оконной войны"⁶ и голодной забастовки, в которой приняло участие

⁴ Здесь и далее: тексты 80-го года (июнь-июль), переданные, тогда же из Бутырской тюрьмы, естественно нелегально, на волю. Я писал на узких полосках папиросной бумаги (лоскутках), так удобнее было уберечь написанное от шмона и переправить потом на свободу. Отсюда и сложилось название: "Бутырские лоскутки".

⁵ Адресат записок - Екатерина Гайдамачук (моя жена).

⁶ Из-за наступившей в ту пору жары и перенаселенности (по случаю московской Олимпиады) в камерах была невообразимая духота. Арестанты требовали вначале выставить средние рамы из окон. Ничего не добившись, стали выбивать стекла. За что их тюремное начальство, естественно, наказывало. Это и вызвало голодовку. Как мне потом рассказывали случайные попутчики на этапах, в голодовке участвовало человек 500 (скорее всего, это обычное для таких рассказов преувеличение), кончилась она победой: тогда же в июне 80-го рамы сделали открывающимися. Они там и сейчас такие, значит - следующим поколениям узников Бутырки дышалось чуть-чуть легче.

несколько камер. "Война" и голодовка закончилась для меня очередным лишением ларька и передачи, а еще - одиночкой.

Предположить, что попаду в тюрьму, я еще как-то мог, но представить, что окажусь в камере смертника...

А не попади я сюда, не было бы и этих записок..."

"...Тем сумеречным декабрьским утром, когда захлопнули меня на заднем сидении черной "Волги" между старшим следователем Мосгорпрокуратуры и "сотрудником", я почти не сомневался: это арест. Спроси меня в ту минуту о последнем желании, не стал бы раздумывать и выбирать. Единственным моим желанием было: видеть тебя.

Но меня никто ни о чем не спрашивал.

У каждого времени свой стиль, свои ритуалы. При Сталине людей арестовывали чаще всего ночью. Дома. Звонок или стук в дверь, приглушенные голоса, осторожные шаги, пустынные улицы, черный ворон, к которому выводили как бы украдкой. Ночь, мрак, тайна. И не каждому к этой тайне можно прикоснуться. Помимо людей в форме НКВД, дворник, специально назначенные понятия.

Сейчас все проще, доступней. Предпочитают брать днем, где-нибудь на улице или на работе. Даже не брать, арестовывать, а захватывать. Ловких, сноровистых ребят, что скрутили меня на выходе из храма⁷ так и официально называют: группа захвата. Для них это уже только работа, никаких ритуалов, никаких тайн. Редкие прохожие, хоть и шарахались в стороны, когда меня перемещали от "места захвата" к месту "погрузки", какого-либо недоумения, удивления не выказывали. Двое в штатском, подхватившие третьего под руки-за руки - картина понятная и даже более однозначная, чем случай, когда тебя ведет милиционер в форме. Милиционер не захватывает, а задерживает. Задержание же вовсе не означает, что человека арестовали. У милиционера-то еще могут и поинтересоваться: за что? на каком основании? У группы захвата никто ничем интересоваться не будет. Кажется, между нами ни слова сказано не было, они как-то без слов поняли, что я согласен пройти полсотни метров до ожидающей нас черной "Волги" спокойно, "сам в середочке", не сопротивляясь. Ни о чем меня не спрашивали, ничего не говорили, бумажек не показывали. В глубине черной "Волги" я разглядел знакомый профиль Юрия Антоновича⁸. Лучше бумажек и слов объясняла все его загадочно-многозначительная улыбка...

Первая из отряженных на меня машин срывается с места и исчезает в чистопрудных потоках. Через минуту трогаемся и мы.

Я располагаюсь поудобней и закрываю глаза: не смотреть и не угадывать - куда везут? Так проще, так спокойнее. А еще лучше, правильней: выйти, выпасть из реально происходящего. Отключиться и не думать: что было? что будет?

Я дергаю за ниточку первой попавшейся истории...

Ранним утром по пустынной улице бредет печальный человек. Кажется, он ничего не видит вокруг. Погружен в себя? Занят чем-то нездешним? Или просто ничего не хочет видеть? Трудно сказать. Присмотреться к нему мешает плотная, приземистая, непропорционально вытянутая собака, на крепких коротких лапах, с мохнатыми, свисающими чуть не до земли, ушами. Она ковыляет чуть впереди печального человека. Одна лапа собаки... (точнее - передняя правая лапа) заботливо, но неловко перевязана белым батистовым платочком с вензелем "М.Я.". Лапа, по-видимому, перебита, собачка так и держит ее на весу, ковыляя на т р е х лапах... А, может быть, боится (или не хочет) испачкать платочек с вензелем? Нет, непохоже. Собака очень старается быть все время чуть впереди своего хозяина и порой ступает все-таки на поврежденную лапу, что причиняет ей видимую боль. Иногда она оглядывается на ходу и, не поймав взгляда печального человека, потягивает и жалобно скулит. Не из-за лапы, а оттого, что ей беспокойно за своего хозяина... Человек что-то шепчет для себя, про себя. И если прислушаться, можно различить... "затянуло пеплом пылью... слова следы черепками... обгоревшие листы и куда... ветер... под какой свинцовый взгляд... первенцы (или первенцев?) оцепененья... сереньких мышат..." Вполне достаточно, и пока можно не слушать остального: стихи,

⁷ Непосредственно перед арестом я работал сторожем храмов Антиохийского Патриаршего подворья в Москве, недалеко от Чистопрудного бульвара, рабочий "день" мой кончался в восемь утра.

⁸ Ю.А.Бурцев - старшего следователя Московской прокуратуры, который вел дело "Поисков" с начала 1979 года. На этом деле он и сделал вскоре карьеру, став следователем "по особо важным делам".

про осень. И это нормально: они с собачкой идут по осеннему городу. Начало листопада.

Сейчас хорошо бы понять причину беспокойства собачки, разгадать вензель на платочке... Что-то ведь произошло прошедшей ночью?... прошедшей ночью...

Здесь я не выдерживаю, возвращаюсь, открываю глаза. Машина поворачивает на Ленинский проспект. Значит не в прокуратуру, не в КПЗ и не в тюрьму. Домой. К тебе. На обыск..."

"...Есть состояния - предвестники беды, знакомые всякому человеку: внезапно и целиком захватившее тебя чувство тревоги, идущая наплывами тоска, смутное ощущение опасности в грядущих событиях...

Их можно отогнать, рассеять в разреженное жизненное пространство, разорвать в клочья, как только что полученное письмо от ненавистного или докучливого отправителя, разбросать с отчаянья пылающими угольками в надежде на вселенский пожар, в котором сгорит мир с его дурацкими тревогами и бедами, загнать в голову, где все неясное, размытое легко собирается в какие-нибудь простенькие, понятные схемки, можно, в конце концов, затвориться в них, как в келье: уединенность из любого мрака вытепливает светлую печаль. А можно просто положиться на судьбу, отказаться от попыток разгадать ее тайные письмена. Тогда все обретенные тобой тревоги сойдутся в сгусток невероятной энергии, которая вытолкнет тебя в поток нездешнего особого времени, и там не надо думать: что? когда? зачем? И должное свершится само собой, все прошлые нелепицы, невнятицы развернутся в тебе предельной ясностью, а предопределенное станет преодоленным.

В такой "поток" и угодил я в конце ноября 1979 года, за неделю до ареста..."

"... Было апрельское предупреждение в Мосгорпрокуратуре: выйдет шестой номер "Поисков" - посадим..."

Было - и до апреля, и после - много всяких видимых поводов тревожиться.

Но всеми этими поводами сердце мое не болело.

А в конце ноября без всяких поводов, предупреждений почувствовал: все - время на исходе. Не было больше желания угадывать намеренья Мосгорпрокуратуры: будут ли в самом деле ждать, когда выйдет шестой номер? перевернут ли свою апрельскую формулу и, узнав о наших планах⁹, вначале посадят, а потом подождут? Время было на изломе. Казалось: мир накануне, мир покатился в бездну... Не исключено, что так и было: покатился... Но по каким-то неведомым причинам вселенская катастрофа в очередной раз рассыпалась осколками местных и "региональных" катастроф..."

"Накануне" - так называлась статья Гефтера для восьмого последнего номера "Поисков". Я еще успел ее прочитать. В ночь перед арестом, накануне повальных обысков. В тот день они изымали все подряд до пачек и листов чистой бумаги. И следов не должно было остаться: ни от нас, ни от наших текстов. Позже мне рассказывали, что большая часть изъятого так и пролежала неразобранной в пыльных мешках в кабинете следователя до 88-го года. Им и ни к чему было разбираться, им важно было успеть изъять из жизни все приметы тревоги...

Из статьи М.Я.Гефтера "Накануне" (ноябрь 79-го).

"...Если попытаться в одном слове собрать все чувства, переживания, мысли уходящего, но еще не ушедшего года, то нет, пожалуй, более точного слова, чем **н а к а н у н е**.

Мы - накануне.

К этому клонится и то, что рядом, и то, что вдали, на деле же близко и все ближе, если еще - не тут...

Все на Земле - накануне...

Н а к а н у н е - это сумма бед и угроз, возведенных в степень и поражениями и отсрочками.

Н а к а н у н е - это зазор между утраченной целью и непомерностью "простых" задач...

Н а к а н у н е - это схватка между Единством и Различием, неприметное повсюдное сражение их - чему из них быть точкой отсчета и как им ужиться, чтобы выжил человек.

Н а к а н у н е - это ультиматум, которое нетерпение предъявило и разуму и силе, апеллируя к крайностям силы и питаюсь крайностями разума.

⁹ В декабре 79 года по плану редколлегии должны были выйти сразу три номера журнала (6, 7 и 8-ой). Одновременно предполагалось сделать заявление для печати о приостановке издания "Поисков".

Вот почему не исключены ни бездна, ни избавление. Вот отчего и то и другое вместе - неразличимые, неразделимые. Разделит же их, если это вообще суждено, только действие: ответственное и нетрадиционное человеческое действие.

Сегодня не о том спор - не повременить ли с усилиями, не отложить ли их на другой раз, не переложить ли на кого из более властных, из более знающих или на тех, кому "нечего терять"? Неравнодушным есть что выбирать лишь внутри действия..."

Нелепо и смешно: два человека и собака - три блохи на чистом листе Воронцовской пустоши. Какое от них может случиться "нетрадиционное действие"? Огромен Мир, дернется ненароком, раздавит - не заметит... Кто будет слушать и читать весь этот пылкий бред - катастрофа-накануне-схватка - бездна...

"Поиски" выходили тиражом десять, иной номер - двадцать экземпляров. Всех вместе - редакторов, авторов, читателей - едва ли сотня и наберется. Даже не понятно, чего им было на нас тратиться: филеры, следователи, эксперты, судьи, прокуроры, подслушивающие устройства... Разве что для подкрепления дурацкого мифа об "идеологической диверсии"?

А в душе никакой сумятицы - все ясно и понятно: да, катастрофа, да, накануне, да, надо действовать, не рассчитывая ни на какой видимый результат. Предчувствие катастрофы - шмоток Хаоса, который ты принимаешь в себя. Первое дело: в себе же и не дать ему развернуться. У каждого человека свой способ преобразования этого первородного сгустка Мира и своя форма овеществления результата внутреннего действия. Разве что интонация в овеществленном остается общей, она уже не от человека идет. Но и твой личный успех может еще ничего не значить: ты смог погасить лишь сотую или тысячную долю той энергии, которая раскручивает катастрофу во внешнем мире, круша живое. Это лишь шанс, один из миллиона - тебе, другому, третьему, десятому...

Человек, даже по рукам и ногам связанный, невообразимо много может... Примерно так (не ручаюсь за точность цитаты) сказал Федор Михайлович Достоевский. В марте 85-го (в выстуженной камере ШИЗО, на исходе третьего дня сухой голодовки) я вдруг догадался, что эта формула имеет не только переносный смысл... Все кончилось хорошо, и я вернулся в жизнь с набухшим языком, который с трудом проворачивал простые слова.

Правда, за все приходится платить. Чаше почему-то не тебе - твоим близким или людям, случайно захваченным той же волной...

Из "Бутырских лоскутков".

"...Так и осядет в моей памяти наш прощальный день чистым, с чуть размытыми границами, за пределами которых останутся лишние люди, лишние подробности, а чужие голоса растворятся в потоке пустых звуков: шуме улицы, шарканье соседа, хлопанье дверей, однотонном голосе теледиктора из комнаты напротив, гаммах застенной девочки, карканье голодных ворон.

Я курю на кухне у приоткрытой двери балкона и наблюдаю, как ты хлопочешь над обедом. Господи, никогда раньше не догадывался, какое это блаженство: никуда не спеша, не отвлекаясь на "дела", просто стоять и смотреть, как любимая священнодействует на кухне...

Впереди: бессчетные похожие друг на друга дни, разбавленные разговорами с сокамерниками, книгами, стуком костяшек домино, тюремная, без запаха хлеба, пайка... Но это "впереди" - как гвоздь в подошве, если стоишь, не беспокоит. А я стою и никуда не тороплюсь, пока кудесник Хронос готовит напиток из целительных мгновений.

Я курю на кухне у приоткрытой двери балкончика и смотрю, как ты хлопочешь над обедом. Запоминаю... Нет, все само запоминается, складывается в "чистую картинку с размытыми краями": каждое твое движение, каждый жест, случайно брошенный взгляд, улыбка...

Забулькало что-то в кастрюле, зашипело, приподнимая крышку. Ты бросаешь недочищенную луковицу и, круто вывернув кран газовой плиты, сбрасываешь крышку на стол, встряхиваешь рукой: горячо. И обиженно смотришь на меня: мог бы и помочь. Я протягиваю руку, и ты, растерянно улыбнувшись, перешагиваешь трещинку, уже наметившую края бездны между нами. Я подношу к губам твои пострадавшие в бурном кухонном катаклизме пальцы и шепчу-заговариваю: совсем не больно, сейчас пройдет, все пройдет, все будет хорошо... Вздрагивает, по собачьи настораживаясь, приставленный к нам "сотрудник", вслушиваясь в мой шепот.

- Они тебя заберут? - спрашиваешь ты, и я губами чувствую как тревожно дрогнули твои пальцы. - А может быть?... - и надежда звучит в твоём голосе..."

"...Когда начинаешь перебирать уже прошедшее, образуется что-то вроде кипы черновиков, пожелтевших от времени, с потускневшими словами, с оборванными

краями, просто белыми пятнами. Но в то же прошлое встроены выточенные чьей-то вдохновенной рукой "звездные фрагменты". На этих фрагментах обычно спотыкается человек в описании своего жития. Спотыкается, замолкает, уходит в себя. Другому - не ближнему, не причастному к твоему "звездному" - не объяснить тогдашнего своего духовного состояния, не передать света преображающего обычные слова и предметы. Для другого легче развернуть сохранившееся впечатление в пространстве вымысла, где простое обретает занимательность и внешнюю событийность.

А еще... В тюрьме я понял, что приходят "звездные фрагменты" не из памяти, а отсюда, откуда являются сновидения (из вечности?). Они и принадлежат, на самом деле, не только нам и нашей памяти. С нами может произойти что угодно: пропадем, сгорим, сгинем, растворимся в потоке обычного времени, станем - не дай Бог - совсем другими - мелкими, суетными, пустыми, вовсе недостойными ни нашей любви, ни прошлой звездности. Но не может быть такого, чтобы э т о прошло, стало прошлым. Не может быть!..."

3.

"Объясниться бы нам давно уже - в самую пору, а теперь не упустить бы последний шанс... "Круглый стол" - и без лимита на сюжеты, и без кадровых в составе!

Не одних только знатных инакомыслящих сюда, но и безымянных. И не одних лишь уважаемых либералов, но и рядовых обеспокоенных - дельных, немногословных. И "работят" и "образованцев". И полномочных представителей зеков, и депутатов от тех, кто надзирает за зеками, и от тех, кто надзирает над надзирателем.

Всех сюда! Всех за стол!...

...Нет для нас места в Мире, если не сделаем миром собственный дом: миром в Мире ..."

Это - из гефтеровской статьи "Накануне", ноябрь 79-го. Уже совершенно ясно, чем реально закончилась наша первая попытка диалога. Не только властям идея диалога должна была представляться бредом, но и многим из близких, ближайших...

"Дорожные лоскутки" (июль 83-го, новосибирская тюрьма).

"...Нас гонят по подземному коридору, соединяющему этапку с баней. Лай овчарок и отрывистые в тон собачьему лаю команды:

- Не-отст-вай-жи-вей-стяги-вай-бля-фье-со...

Рефреном выхлесты-хлопки дубинок, каратистские "йааа-ха-йаа.." ментов и приглушенным эхом - зековское: "аааа...". Бьют тех, кто притормозился, чтобы подобрать оброненную тряпку или пачку махорки, бьют тех, кто не выдержал темпа и отстал от впереди бегущего, бьют последних. По голове, по хребтине, по ребрам, по почкам...

Я все забыл: кто я? где? Я забыл волю, мне не вспомнить имени любимой женщины, глаза мои залубенели, и язык не вымолвит человеческого слова.

Я зверь, мое единственное желание - увернуться от хлыста погонщика, а, когда хлыст достает меня, мою глотку раздирает крик ужаса: "аааа..."

"Деду плохо. Похоже, сердечный приступ: задыхается и давится, хрипит, лицо синее... Как назло, ни валидола, ни нитроглицерина: все "колеса" (т.е. шетки) выгребли во время шмона.

Никто уже полчаса не курит, и окна настезь, но в камере (на десять шконок - 30 душ) не продохнуть - июльское пекло. В дверь два раза колотились, подтягивали ментов к кормушке, показывали Деда, просили вызвать врача или дать валидола.

После третьей попытки форточка кормушки отваливается, мы слышим собачье "р-р-ргав" и видим морду овчарки - ее голова подвязана косынкой с красным крестом...

- Врача привели, - добродушно сообщает коридорный. - Запускать?

Ментов у кормушки собралось человек пять. Всем весело, любопытно: что мы теперь выкинем. В подобных случаях правильный арестант должен парафинить ментов по высшему разряду. Но это новосибирская пересылка, и никто не сказал ничего..."

"Сегодня воскресенье. Час воспитательной радиопередачи (политчас). Выступает сам хозяин (начальник тюрьмы). Рассказывает о тяжелой жизни американских заключенных. Передачу мы слушаем в коридоре. Нас гоняют гусиным шагом по кругу. Отстающих и срезающих круг, бьют дубинками. Меньше достается тем, кто догадался выскочить из камеры голым, тех, кто в телогрейке, можно хлестать от души - следов не останется. Трех чахоточных от "приложения" к воскресной беседе освободили. Они убирают камеру. Ее перед началом передачи залили водой из

пожарного шланга. Почти под уровень порога. Не успеют чахоточные за 15 минут - камеру опять зальют, а нам - еще 15 минут гусиного шага.

Чахоточные успели..."

"...После вечерней проверки меня выдернули из камеры. "Без вещей". Обычно так вызывают по заявлению к начальству, по жалобе - к прокурору, или для вынесения наказания. Заявлений- жалоб мне здесь в голову не приходило писать, и, рассчитывая на самое худшее (карцер), я скоренько, с помощью семейников "затарился" махоркой, головками спичек и газетой. Но тут последовала еще одна команда - "с приговором" - совсем сбившая меня с толку... Все оказалось на удивление просто: корпусной (старший в смене надзирателей), узнав от кого-то, что в одной из его камер оказался политический, приказал вытянуть меня "на коридор", чтобы потолковать с "умным человеком". Подозревая порожняк ("первый раз через нас гонят политического"), корпусной сходу принялся за изучение приговоров, и, только убедившись, что я и в самом деле "политик" посадил за стол и предложил чифиру.

Я уже привык к определенной реакции "на политического" со стороны низших и средних тюремных чинов (ее можно определить, как сочувственное любопытство к "пострадавшим за правду") и потому совсем не удивился вопросам: про Сахарова, Солженицына, про журнал, за который меня посадили, про то, чего добиваются диссиденты... Он вполне искренне пожалел меня: "Каково тебе с этой шоблой (т.е. с уголовниками - В.А.) приходится"...

Всего два дня назад под его руководством смена дубаков гоняла нашу камеру гусиным шагом по коридору... И тогда я его спросил, что он-то сам испытывает, когда травит зеков овчарками, оттягивает резиновыми дубинками, гоняет гусиным шагом...

- Да, жалко их, хоть и преступники, а все живая душа... Но ведь: для их же пользы. Начни я с ними сюсюкаться, они, согласись, в момент разбушлатятся. Да начнут еще между собой разборки наводить. У нас при прежнем мягком начальнике, бывало по два-три трупа за смену. А потом - не выйдет иначе. Сам знаешь, сколько этапов в день принимает одна смена. Не нагонишь сходу жути, не поспеть, тут же начнут права качать, да вялиться. В тюрьме некому работать, у нас треть состава - бабы, и с ними - некомплект..."}

Из "Бутырских лоскутков" (июнь 79-го).

"...В тридцатых годах мой дед работал на строительстве Бутырской тюрьмы. Может быть, эти самые стены выкладывал, за которыми мне теперь сидеть. Он согнан был с земли коллективизацией. Скорая, бессудная, бессмысленная расправа гнала из родных мест миллионы таких же как и он крестьян, виноватых лишь в том, что как деды и прадеды их, веками пахавшие землю и кормившие Россию, не могли и не умели они отказаться от собственного клочка земли в пользу новой, непонятной колхозной общности.

По неразвитости тогдашнего социализма его не просвечивали каверзными вопросами анкет, не выверяли паспорта и других документов (а их у него - нормальное явление той поры - не было). Начальство одной из важнейших строек первой пятилетки вполне удовлетворялось справкой, вымененной на полпуда ржи и литр самогона у писаря сельсовета, да привычными к тяжелой работе руками земледельца (говорят, дед был хорошим плотником и каменщиком). Продержался он здесь - на твердой зарплате и НКВДешном пайке - около года, помогая жене и младшей дочери, оставшимся в деревне, но согнанным с земли и выгнанным из родного дома. А дернулся дед с хорошего, хлебного места, когда в Москве стали вводить прописку паспортов, и первая же проверка могла обернуться для него арестом.

Не в укор деду вспомнил я о его в моей стене кирпичиках. Нет в этих кирпичиках его вины. Ни малой, ни большой. Просто подумалось: не приведи, Господи, детям нашим строить тюрьмы, в которых сидеть их внукам..."}

4.

Из лагеря, в декабре 85-го я вышел совершенно больным и почти неменяемым. Но мне были рады и такому. За три дня остановки в Москве (мой путь лежал в глухую - сутки езды - деревню Тверской области, под надзор) через нашу квартиру прошел не один десяток людей, в основном, жены политзаключенных. Им важно было хотя бы просто посмотреть на меня, дотронуться до меня - живого. Я был тогда чуть ли не единственным отпущенным, хотя бы по концу срока. А у кого-то из них муж погиб в тюрьме, у кого-то пошел на раскрутку, кому-то за весь срок не дали ни одного свидания... Мало кто тогда кроме них мог так остро чувствовать: какое страшное это было время -

85-86 годы. Политзаключенных ломали беспощадно. На этот период приходится много попыток самоубийства, покаяний... Казалось, прежде, чем начать свои реформы, им было необходимо уничтожить нас или морально раздавить...

М.Я., невероятно много сделавший для моего освобождения, был, как мне показалось, в некоторой эйфории и от этой маленькой победы, и от ощущавшихся перемен. Горбачев, как он говорил тогда, был его последним шансом. Да и время казалось открывало первые возможности для диалога с властями.

Возможно, мой взгляд на происходящее был не совсем адекватен. Я был сосредоточен на одном: чем можно помочь оставшимся в лагерях, для них перемены оборачивались не просто временными ухудшениями, а реальной угрозой гибели...

Через три-четыре месяца М.Я. переслал мне в деревню проект (или уже копию) своего "Письма Горбачеву". В нем он призывал немедленно освободить политзаключенных, пересмотреть политические статьи УК и разрешить вернуться в СССР хотя бы тем из высланных или эмигрировавших, "которые, разделяя почин перемен, начатых в стране, намерены содействовать им". Ответ Гефтер получил только в августе, теперь, правда (свидетельство перемен), не от следователя, а из министерства юстиции. Я о сути предстоящего ответа узнал гораздо раньше. За день до "Письма Горбачеву" получил известие о приговоре Сергею Ходоровичу¹⁰. Состав преступления (ШИЗО, ПКТ, потом нарушения режима) нам по андроповской статье "Злостное неподчинение законным требованиям администрации" готовили в одно и то же время, сидели мы в лагерях одного (Красноярского) управления. Похоже, по первоначальному плану судить нас должны были одновременно, но я вышел, Ходорович получил еще срок. В те же месяцы из тюрьмы Анатолия Щаранского, из ссылки Юрия Орлова выдворили за кордон, точно также, как и при Брежневе. Политзаключенные оставались "бартером" на политическом международном рынке... Для меня это был страшноватый период. И казались бессмысленными призывы к диалогу с властью: такая власть может говорить только на языке силы или "птичьих" понятий своих мифов. Может быть поэтому ни один Гефтеровский текст я не воспринимал с таким трудом, как этот. Какой был смысл в таком диалоге? Мог ли человек, всю жизнь решавший двух-трехходовки, понять гроссмейстера, который уже по дебюту видит все грядущие развязки эндшпиля?...

До смерти Анатолия Марченко Гефтер отправлял еще одно (или два) обращения с призывом освободить политзаключенных. По-видимому, эта смерть (точнее, реакция на нее Запада) остановила уже закрученную адскую машину. Разрешили (милостиво) вернуться в Москву Сахарову. Политзаключенных стали освобождать. Освобождения проходили с подлыми, ритуальными, прошлой эпохи, процедурами. Не реабилитация и не амнистия, Указ о помиловании с номером и датой. Всем предлагали подписать обязательство не заниматься впредь политической деятельностью. Впрочем, тех, кто отказывался, в конце концов, тоже выпустили... Такой вот финал уходящей эпохи: "На пороге, у порога - дверь без дома и ключа"...

* * *

Просматривая вышедшую в 91-м книгу М.Я. ("Из тех и этих лет"), задержался на "Письмах Горбачеву" с ощущением, что политическая судьба самого Горбачева, могла бы сложиться совсем иначе, прочитай он эти письма и найди в себе силы понять непривычный для себя текст. И еще. Первое из писем датировано февралем 86-го. Могло бы даже не понимание, а доверие к слову, к интонации писем остановить уже разворачивающиеся катастрофы: Чернобыль, Карабах, Тбилиси?.. Это не к прошедшему вопрос, не от соблазна поиграть вариантами возможного в уже канувшем в Лету времени. Вопрос к сегодняшнему, живущему новыми сюжетами, но так и не преодолевшему потребность в мифосуществовании, не имеющему, собственно, и с в о е г о прошлого.

Среди вариантов названия "свободного московского журнала" было и такое: "Сретенье" - встреча духовных опытов людей, разных взглядов, поколений, жизненного опыта, эпох... Занести ли эту задачу в список несделанного или в список того, что и не могло (не может?) быть сделано?

Июль 1993-го.

¹⁰ Правозащитник, распорядитель Российского фонда помощи политзаключенным в период с 77-го года. В 83-м году был арестован, и приговорен к трем годам лагерей строгого режима. В 86-м, незадолго до конца срока, Ходоровича приговорили еще к трем годам лишения свободы. Был освобожден в марте 87-го.